

Как Коломна была столицей Московской Руси

Летом 1433 года в ворота коломенской крепости въехал внушительный отряд всадников. Во главе вооружённой свиты в свою «отчину» прибыл князь Василий Васильевич, до недавнего времени — великий князь московский, — а отныне князь коломенский. О событиях, из-за которых правитель могущественного русского княжества оказался одним из удельных владык, расскажем позже, а теперь проследим, что открылось взору, несомненно, угнетённого духом 18-летнего князя.

Восстановить внешний облик Коломны, представить её пространство, численность и повседневность стало возможно благодаря капитальной монографии выдающегося коломенского историка и археолога Алексея Борисовича Мазурова «Средневековая Коломна в XIV — первой трети XVI вв.».

Уже на подъезде к Коломне перед Василием Васильевичем и его спутниками предстала панорама весьма обширного на то время города, центр которого — кремль — располагался там же, где и ныне: напротив слияния Коломенки и Москвы-реки. К востоку от него располагался оживлённый посад (Подол), на котором известны храмы Рождества Христова и Николы Мокрого. Спустя пять с половиной столетий эти церкви дошли до нас, правда, в перестроенном виде: Рождества Христова — это храм XVIII в. на территории бывшего Артилле-

Коломенский кремль в XIX веке, литография Н. Селезнёва

рийского училища, а Николы Мокрого — прославленный памятник зодчества XVII столетия — церковь Николы-на-Посаде, или Николы Посадского. Завершался посад на востоке селом Бабышевом, а на юге — Спасским монастырём. Между ними проходила Пятницкая улица, вероятнее всего, служившая в XV столетии границей посада. Относительно современной Коломны весь город эпохи князя Василия умещался в пределах, ограниченных улицей Октябрьской революции, Уманской улицей и проездом Артиллеристов.

На этом, по нашим меркам, незначительном пространстве проживало, по подсчётам А. Б. Мазурова, около 5,5 тыс. человек. Много это или мало для той эпохи? Численность населения Москвы в эту эпоху историки определяют в 15–20 тыс. человек; Твери в середине XIV в. — около 5 тыс. Несмотря на то, что в 1408 году город был разорён нашествием Едигея, а в 1427 году Коломну, как и другие русские города, охватила эпидемия чумы, потери от которой были весьма значительны, нет сомнений в том, что по численности населения этот город превосходил многие другие в Московском княжестве (Дмитров, Серпухов, Можайск) и, вероятно, был самым многолюдным после Москвы.

Коломенский кремль, где расположился князь, занимал весьма обширную площадь в 20–22 га, что примерно равно площади белокаменного Московского кремля эпохи Дмитрия Донского и гораздо больше, чем укрепления удельных столиц той эпохи: Можайска (5 га), Дмитрова (2,4 га), Звенигорода (3,5 га). Во внутренней его планировке можно видеть множество аналогий с Московским кремлём. Главным собором Коломны, как и Москвы, был Успенский. Он также был кафедральным. Вероятнее всего, Успенский собор выстроили в 1382 году, а украсили росписью в 1392 году. Перед собором располагалась Соборная площадь, на которую выходили дворы великого князя и коломенского епископа. В составе великокняжеского двора были жилые помещения, конюшни, а с начала XVI века известна и дворцовая церковь — Воскресения.

Теперь вернёмся к судьбе князя Василия. Его появление в Коломне в качестве её первого удельного князя было вызвано цепью драматических событий, начало которым положила духовная грамота (завещание) великого князя Дмитрия Донского. В ней победитель Мамаёв разделил Московское княжество между пятью своими сыновьями. Старшего сына Василия Донской «благословил» «своей отчиной великим княжением», первым из русских князей отвергнув монополию Орды на назначения великого князя. Кроме того, отец завещал Василию «Коломну с волостями», традиционно передаваемую наследнику великого княжения, «старейший путь в городе» и половину городских пошлин (вторая половина передавалась остальным младшим сыновьям). *«А дети мои, молодшая братья княжи Васильевы, — заповедал Донской, — чтите и слушайте своего брата старшего в моё место своего отца...»*. Другим сыновьям великий князь выделил уделы в таком составе: князю Юрию — Звенигород и Галич, князю Андрею — Можайск и Белоозеро, князю Петру — Дмитров и Углич. Младший сын великого князя Иван Дмитриевич получил только три волости. Вероятно, он был, как тогда говорили, «не от мира сего». Впоследствии он принял монашество с именем Иоасафа и скончался в 1393 году. Несколько волостей великий князь завещал своей вдове Евдокии Дмитриевне и заповедал ей решать все споры между сыновьями — *«а вы дети мои слушайте свое матери во всё, из воли её не вступайтесь ни в чём»*. Видимо, по воле Евдокии Дмитриевны братья впоследствии выделили в удел младшему сыну Донского Константину, родившемуся за четыре дня до смерти отца, Углич.

Ко времени составления завещания старший сын Донского Василий не был женат и не имел детей. Предусматривая, что Василий может умереть, не оставив наследника, Дмитрий Донской писал: *«А по грехом отымет Бог сына моего князя Василья, а хто будет под тем сын мой, ино тому сыну моему княж Васильев удел...»* Это распоряжение послужило поводом к длительной усобице между князьями московского дома, начавшейся почти через сорок лет после смерти Донского и известной под названием Феодальной войны XV века. Когда в 1425 году скончался великий князь Василий I Дмитриевич, его брат, князь Юрий Звенигородский, не признал распоряжения брата о передаче московского престола десятилетнему племяннику Василию Васильевичу и, основываясь на словах духовной Дмитрия Донского, начал борьбу за великое княжение.

Первые годы противостояния (1425–1432 гг.) прошли бескровно. Соперники копили силы и надеялись на благоприятный исход спора в Золотой Орде. В 1431 году дядя и племянник отправились в Орду. После долгих споров хан Улу-Мухаммед отдал великокняжеский ярлык Василию II Васильевичу, а Юрию в знак утешения передал Дмитров, удельный князь которого, Пётр, незадолго до этого скончался. Видимо, ордынцы полагали, что юный Василий — гораздо более управляемая кандидатура, чем прославившийся воинскими подвигами опытный Юрий. Однако власть Орды была уже значительно ослаблена внутренними усобицами, и поэтому обе стороны не очень-то считались с решением хана. Вскоре Василий отобрал у дяди Дмитров, а тот в свою очередь начал активные приготовления к войне...

В Москве между тем утратили бдительность. Стольный град весело справлял свадьбу великого князя Василия и княжны Марии Ярославны

Серпуховской. О мятежном дяде на время забыли, а в пылу празднования даже умудрились жестоко оскорбить его старших сыновей Василия Косого и Дмитрия Шемяку, кузенов жениха. Юрьевичи в ярости покинули Москву и бросились к отцу в Галич, где уже всё было готово к походу.

Василий II узнал о подходе войск дяди, когда тот стоял уже в Переяславле. Времени на сбор войска у него не было, но, тем не менее, великий князь решил попытаться счастья в бою. Он собрал тех бояр и военных слуг, которые были под рукой, а также московское городское ополчение и двинулся против дяди. Войско Василия представляло собой плачевное зрелище. Летописец свидетельствует: *«От москвич не бысть никоеа помощи, мнози бо от них пьяни бяху, а и с собою мед везяху, что пити ещѣ»*. Весёлые гости на свадьбе, горожане оказались плохими воинами. Князь Юрий Звенигородский разбил войско племянника 25 апреля 1433 года на реке Клязьме, в 20 верстах от Москвы.

Василий, прихватив жену и мать, бежал в Тверь, а оттуда в Кострому. Вскоре Юрий Дмитриевич «смирился» со своим племянником. Способствовал примирению боярин и любимец князя Юрий Семён Фёдорович Морозов. По условиям мира, князь Василий отказался от московского престола, за что дядя дал ему в удел Коломну. Так Василий Васильевич оказался в Коломне. А далее произошло то, чего Юрий Дмитриевич, да, пожалуй, и сам Василий Васильевич не ожидали. *«Москвичи же вси, — свидетельствует летописец, — князи и бояре, и воеводы, и дети боярские, и дворяне, от мала и до велика, вси поехали на Коломну к великому князю, не повиыкли бо служити уделным князем...»*

Победа князя Юрия обернулась поражением. Его бросили все, кто составлял профессиональное великокняжеское войско — от командиров до рядовых. Новый великий князь лишился влиятельных и опытных бояр и служилых князей, выходивших на поле боя со своими отрядами. В огромной Москве Юрий остался с небольшой удельной думой из галицких бояр и своей дружиной. Таких сил, несомненно, было мало для того, чтобы защитить город. Однако дело не ограничивалось возможной военной катастрофой. Князя Юрия, несмотря на его права и несомненные достоинства, не признало правящее сословие Русского государства XV века. Тесниться перед галичанами и служить бывшему удельному московские бояре сочли ниже своего достоинства и выбрали за лучшее переехать в Коломну.

Следует отметить, что бояре и служилые люди были полностью в своём праве. Междукняжеские договоры той эпохи содержали особый пункт: *«А боярам и слугам межи нас волным воля...»* Каждый служилый человек имел так называемое право «отъезда», то есть смены сюзерена. В результате Москва опустела, а Коломна, напротив, наполнилась обширным великокняжеским двором и войском. Для многих бояр и служилых этот переезд облегчался тем, что у них в Коломне были свои дворы. Являясь своеобразной копией Москвы, Коломна перенимала от столицы и эту особенность социальной топографии города. Вокруг великокняжеского двора в Кремле располагались боярские дворы. В это время Коломна стала подлинной столицей Московского княжества, а в Москве царили растерянность и уныние.

Исход московского «двора» в Коломну разъярил старших сыновей Юрия Звенигородского — Василия Косого и Дмитрия Шемяку. Обвинив во всём Семёна Морозова, они убили его, но опасаясь гнева отца, бежали из Москвы. Это событие переполнило чашу терпения Юрия Звенигородского. Он отправил посланника к Василию, призывая его вернуться на трон, а сам покинул Москву и удалился в Галич. Так бесславно закончилось первое правление на великокняжеском престоле Юрия Звенигородского. Главной причиной его политической катастрофы стала позиция московского боярства и войска. Но при этом немалую роль сыграл и выбор ими нового места служения — Коломны. Город с епископской кафедрой, в окрестностях которого у многих бояр и дворян были вотчины, а в самой Коломне — дворы, — был несомненно гораздо более привлекателен, чем Дмитров, или, допустим, Волок на Ламе. Немаловажно и то, что в Коломне не было своего боярства, как в других удельных городах, и московская иерархия чинов безболезненно перенеслась сюда, что было удобно и великому князю, и боярам.

Итак, выбор Коломны в качестве удела для Василия оказался серьёзным политическим просчётом Юрия Звенигородского. Так же считали и его сыновья. Но мог ли князь поступить иначе? Руководствуясь на основании духовной грамоты отца, так называемой «лествичной системой» (переход престола к старшему в роде), Юрий Дмитриевич не мог отказать племяннику в положении наследника. Как наследник, тот получил Коломну — город и волость с совершенно особым статусом. На протяжении всего XIV века Коломна по духовным грамотам великих князей московских неизменно передавалась старшему в роде, наследнику великого княжения. Выделив Коломну в удел племяннику, Юрий следовал той строгой логике, которая ранее толкала его на борьбу за престол. Но при этом он совершил ошибку, от которой мудро воздерживались его предки и предшественники. Опираясь на Коломну, второй по величине и силе город в Московском княжестве, местный князь становился грозным соперником Москвы. Поэтому никогда ранее Коломенский удел не выделялся из состава Московского княжества.

Вероятно, позднее сам Юрий Звенигородский осознал свою ошибку. Когда он вскоре вновь занял московский трон в марте 1434 года, то не проявлял миролюбивых стремлений по отношению к Василию, а скорее всего, хотел изгнать его за пределы Руси — в Орду. Однако внезапная смерть Юрия Дмитриевича 5 июня 1434 года на время положила конец противостоянию. Василий II вернулся на престол, но вскоре война вспыхнула с новой силой — против кузена выступили сыновья Юрия Василий Косой и Дмитрий Шемяка. Завершилась война победой Василия II в 1453 году. С этого времени удельная система уходит в прошлое и начинается объединение земель вокруг Москвы. Значение Коломны как своеобразной «уменьшенной копии Москвы» стало падать. Из коренного великокняжеского удела она постепенно превратилась в рядовой, хотя и один из крупнейших городов единого Российского государства.

Иван Грозный и Коломна

Во второй половине XV–XVI вв., в связи с обострением военной угрозы со стороны Большой Орды и Крымского ханства, усилилось военно-стратегическое значение Коломны. Её ключевая роль в обороне центральных областей страны была связана с расположением города неподалёку от Оки, служившей естественным рубежом обороны. Первые упоминания об обороне от татар у Коломны относятся ещё к 1373 и 1376 гг. В 1450 году великий князь Василий II отправил из Коломны против татар Константина Беззубцева с коломенской ратью. Воевода нагнал татар в степи, на реке Битюге, и разбил их. В следующем году русских постигла неудача. Воевода князь Иван Звенигородский трусил перед татарским войском и отступил, а татары прорвались до Москвы. Новые столкновения произошли в 1454 году. А в 1459 году в Коломне стоял с полками наследник престола Иван

Васильевич, будущий Иван III, благодаря чему татары не смогли переправиться через Оку.

Начиная с последней трети XV века оборона по Оке приобретает систематический характер. Вдоль реки выстраивались военные силы Московского княжества, блокируя возможность переправы. Полки стояли в Коломне, Ростиславле, Серпухове, Тарусе, Кашире, Зарайске и других городах. Была налажена чёткая система взаимодействия и маневрирования. При Василии III крепости, стоявшие на берегу Оки и южнее, стали перестраивать, возводя каменные стены — в Коломне (1525–1531 гг.), Туле (1507–1520 гг.), Зарайске (1528–1531 гг.), Серпухове (1552 г.) и других. С 1530-х годов войска выступали «к берегу» практически ежегодно, и при этом Коломна становилась генеральным штабом обороны, где находились большой полк и лично великий князь. Так, в 1472 году, узнав о нашествии хана Ахмата, в Коломну выехал Иван III. Вторично он прибыл в город в 1480 году, вновь возглавляя войска, собранные против Ахмата. В 1522 году в Коломне находился Василий III, «устраивавший» войска вдоль берега.

С «береговой службой» связан и первый приезд в Коломну юного великого князя Ивана IV летом 1546 года. Тогда, по словам летописи, «крымский царь, уведав великого князя на Коломне, не пошёл». Но приезд молодого государя запомнился коломенцам совсем не этим и не тем, что в городе собралась *«сила великая всего Московского государства, сколько кажут людей на Коломне от начала не бывало»*. Самым поразительным было поведение государя, правителя огромной православной державы. В своём стане у Голутвина монастыря Иван IV предавался весьма странным потехам: *«пашню пахал вешнюю и з бояры сеял гречиху; и иныя потехи: на ходулях ходил и в саван наряжался»*. Нет сомнений в том, что эти потехи носили языческий характер, а выражение «в

саван наряжался» исследователь той эпохи Б. Н. Флоря трактует как известную по описанию XIX века «игру в покойника». Заключалась она в следующем: псевдопокойник лежит в избе, его отпевают самой отборной руганью, а по окончании «отпевания» девок заставляют прощаться с «покойником» и насильно принуждают целовать его открытый рот, набитый тыквенными зубами. Как можно видеть, в роли покойника выступал сам великий князь.

К ужасу православных, одними скабрёзными «потехами» великий князь не ограничился. Вскоре он «положил опалу» на видных бояр — князя И. И. Кубенского, Ф. С. и В. М. Воронцовых: их обезглавили прямо перед шатром государя. И. М. Воронцова подвергли пыткам, а И. П. Челядни-на-Фёдорова великий князь едва не казнил, но затем передумал и велел сослать. Вопреки обычаю, перед смертью несчастных бояр не исповедили и не причастили.

Причиной казни исследователи считают конфликт, который незадолго до этого разыгрался в военном стане под Коломной. К великому князю, увлечённому «потехами», обратились новгородские «пищальники» (стрельцы). Но Иван не стал слушать их жалоб и «велел их отослати». Новгородцы попытались настаивать, и тогда великий князь приказал дворянам прогнать их силой. Завязалась стычка, в которой с обеих сторон были раненые и убитые. Дьяк Василий Захаров-Гнильев, фаворит великого князя, которому тот поручил следствие, обвинил во всём своих недругов — Кубенского, Фёдорова и Воронцовых. Возможно, великий князь и без того был озлоблен на бояр, осуждавших его за неприличные «потехи».

Таковым был первый самостоятельный поход, который возглавил (хотя и номинально) великий князь Иван IV Васильевич. Уже тогда 16-летний государь показал себя взбалмошным деспотом, для которого чужая жизнь — ничто по сравнению со своими разнузданными желаниями. Самым страшным порождением деспотизма Ивана Грозного стала опричнина — режим государственного террора, господствовавший в стране с 1565 по 1572 год. Среди его жертв было немало и коломенцев.

В 1568 году многие бояре, дьяки и служилые люди были арестованы и казнены по обвинению в заговоре, во главе которого якобы стоял Иван Петрович Челяднин-Фёдоров — первый боярин в государстве, прославившийся своей справедливостью и набожностью. Иван Петрович происходил из старомосковского боярства. Его дед, Фёдор Давидович Хромой, при Иване III был наместником в Коломне — должность, которую занимали только представители самых известных родов. Владел Челяднин-Фёдоров и вотчинами в Коломенском уезде. Боярский чин Иван Петрович получил ещё в 1544 году, а в 1546 году он едва избежал казни по навету дьяка Захарова-Гнильева. Спустя более 20 лет царь вновь обрушил свой гнев на престарелого и уважаемого боярина. Обвинённый в различных преступлениях, Иван Петрович был ограблен и выслан в свои коломенские вотчины. След за этим боярина обвинили в измене, и царь распорядился доставить его в Москву. Вероятно, Иван Петрович искал защиты у коломенского епископа Иосифа, но опричники не вняли слову владыки и, возможно, во время ареста Челядни-на-Фёдорова казнили боярина коломенского владыки Александра Кожина и владычного дьяка.

Подверглись разгрому и коломенские вотчины Ивана Петровича. В синодик опальных (список жертв опричнины) записаны слуги Челяднина-Фёдорова: Смирной Кирьянов, дьяк Семён Антонов, татарин Янтоуган, Бахмет, Иван Лукин и другие. Отдельно указано, что в коломенских вотчинах боярина опричник Григорий Ловчиков «отделал» «Ивановых людей 20 человек». Сам Иван Петрович был казнён в сентябре 1568 года, а вместе с ним и многие видные представители «государева двора» — князья, дворяне, дьяки. В числе погибших были: строитель Свяжской крепости Иван Выродков и, как ни парадоксально, дьяк Василий Захаров-Гнильев.

Жертв опричных казней среди коломенцев было, конечно, больше. Вероятно, во время опричного разгрома вотчин Ивана Челяднина-Фёдорова убитых «пашенных холопов» (крестьян) вообще не считали. В опричнину погибли многие из коломенских дворян. В государстве надолго воцарилась атмосфера страха, а опричные разорения и длительная Ливонская война привели страну к глубокому экономическому кризису. По переписи 1577–1578 годов, в Коломне на 32 с половиной тяглых (облагавшихся налогом) жилых двора приходилось 662 пустых (!). Это запустение стало прямым результатом разорительной налоговой политики Ивана Грозного. Правда, Коломна не была совсем пустынной. В ней почти полностью исчезло посадское население, зато дворы и лавки посадских заняли дворяне, стрельцы, пушкари, церковные и монастырские люди — все, кто не платил «тягла» (налога) и, пользуясь этим, торговал и ремесленничал. При том, что посад опустел на 90 процентов, на торгу из 600 лавок пустовало всего треть — около 200. Тем не менее, иначе как запустением состояние города в последние годы правления Ивана Грозного назвать нельзя.

После смерти Ивана Грозного, при царе Фёдоре Ивановиче, реальный правитель государства боярин Борис Годунов попытался возродить страну, но неурожай и голод в начале XVII века привели к тому, что кризис перешёл в открытую фазу — началась гражданская война, известная как Смутное время. Коломна в событиях Смуты играла весьма значительную роль.

«Обернувшись сорокой, улетела...»

Каждый, кто был в Коломне, знает, что самая красивая башня Коломенского кремля носит название Маринкиной потому, что в ней была заточена Марина Мнишек. По народной легенде, гордая полячка вовсе не умерла в заточении, а «обернувшись сорокой, улетела». Как ни жаль, но эта легенда не имеет ничего общего с действительностью. Умерла Марина Мнишек в Москве, также в заточении, на рубеже 1614 и 1615 годов. Свои последние дни она провела, вероятно, в одном из московских женских монастырей и скончалась, как гласит русский источник, «с болезни и от тоски». Однако с Коломной история первой русской императрицы, супруги и вдовы двух самозванцев, связана самым тесным образом.

«Смута» пришла в Коломну осенью 1606 года. К этому времени первый русский самозванец уже полгода как был мёртв, но дерзновенно принятое им имя «царевича Дмитрия» обрело свою жизнь и подняло на борьбу новых приверженцев. С «южных украин» на Москву двигались войска под командованием бывшего боярского холопа Ивана Болотникова

*Портрет Марины Мнишек.
Работа неизвестного
художника*

и рязанского дворянина Истомы Пашкова, называвших себя «воеводами царя Дмитрия». Коломна лежала на пути рязанской рати Пашкова. По словам «Нового летописца», мятежники взяли Коломну штурмом и разорили. Вероятно, у восставших были сторонники среди местного населения. Официальная разрядная книга, в которую записывались

воеводские назначения, свидетельствует, что московские стрельцы, которые были в городе, и коломенские казаки влились в армию Болотникова и Пашкова, осадившую Москву осенью 1606 года.

Противостояние армий Болотникова и царя Василия Шуйского под Москвой закончилось разгромом мятежного воеводы в декабре 1606 года и его бегством в Калугу, а затем в Тулу. Коломна вновь перешла под власть Шуйского. Окончательно справиться с мятежом царь смог лишь в октябре 1607 года, когда Болотников и его сторонники капитулировали. Едва полыхавший в Туле очаг смуты был с большим трудом затушен, как пламя мятежа разгорелось на окраинах государства, где один за другим стали появляться «царевичи»-самозванцы, носившие довольно анекдотические имена — Иван-Август, Лаврентий, Симеон, Савелий, Василий, Клементий, Ерощка, Гаврилка, Мартынка и другие. Впрочем, эти предводители казачьих разбойничьих шаек были не так страшны, как принявший имя «царя Дмитрия» и потому известный как Лжедмитрий II, претендент на русскую корону, вокруг которого объединились бывшие болотниковцы, а также польские и литовские шляхтичи.

Лжедмитрий II начал наступление на Москву в январе 1608 года. Впереди основных войск шёл отряд отчаянного храбреца и авантюриста полковника Александра-Иосифа Лисовского. Лисовский и его «лисовчики» славились стремительностью нападений, которую вскоре довелось испытать на себе жителям южнорусского пограничья. Сначала Лисовский напал на Зарайск и сумел захватить город. Рязанские воеводы отправили против него Захария Ляпунова с ратью. Тот подошёл к Зарайску, но спяну не построил войско в боевой порядок и был наголову разбит. Согласно легенде, в память о погибших в этом бою рязанскими и арзамасскими дворянами в Зарайске был насыпан курган.

Расправившись с Ляпуновым, Лисовский подошёл к Коломне, взял город приступом и разграбил его. Коломенский архиепископ Иосиф и воевода князь Владимир Тимофеевич Долгоруков попали в плен. На этом,

однако, успехи Лисовского кончились. Против него царь Василий отправил на коломенскую дорогу войско во главе с князем Иваном Семёновичем Куракиным. Русские разбили «лисовчиков» и освободили владыку, воеводу и протоиерея главного зарайского храма — Никольского. После этого царь отправил в Коломну новых воевод — Ивана Матвеевича Бутурлина и Семёна Матвеевича Глебова, повелев им крепить осаду и готовить запасы.

В июле 1608 года Лжедмитрий II подступил к Москве и, встав лагерем в Тушино, начал осаду. Его отряды распространились по всей стране, захватывали города и приводили к присяге за самозванца. Лишь немногие города оставались верны Василию Шуйскому, и среди них — Коломна. Желая овладеть этой мощной крепостью, «тушинцы» в сентябре выступили к городу из Каширы. На помощь воеводам Бутурлину и Глебову царь отправил из Москвы ещё двух — князя Семёна Васильевича Прозоровского и Василия Борисовича Сукина — со значительным воинским подкреплением. Прозоровскому и Бутурлину было указано наступать против «тушинца» пана Хмелевского. Амбиции Бутурлина едва не испортили всё дело: он «бил челом» на Прозоровского, не считая для себя возможным подчиняться князю. Царь отвечал на это сурово: грозил опалой и указывал, что воевода «дурует». Бутурлин смирился, и коломенская рать нанесла жестокое поражение «тушинцам». Их предводитель пан Хмелевский был взят в плен.

Князь Прозоровский и Сукин вернулись в Москву, а вслед за этим был отозван и Бутурлин. На его место царь прислал Ивана Михайловича Пушкина. Вскоре в подкрепление к Пушкину был отправлен стольник, князь Дмитрий Михайлович Пожарский, впоследствии прославившийся как глава Второго ополчения. Несмотря на тревожную обстановку, вновь разгорелось местническое дело. На этот раз Пушкин «бил челом» на Пожарского, но решение этого спора осталось неизвестным, тем более что Пожарскому вскоре стало не до местничества. Из Коломны он отправился к селу Высоцкому, за 30 вёрст от города, где разгромил отряд литовцев. Вскоре Пожарский и Пушкин были отозваны в Москву, а оборонять город остался один Семён Глебов.

Коломна была «костью в горле» у самозванца. Её верность царю не давала замкнуть кольцо блокады. Поэтому в 1609 году «тушинцы» вновь попытались захватить город. Возглавлял осаду полковник Андрей Млоцкий. Гарнизон держался крепко, а из Рязани на помощь городу двинулся окольный князь Василий Фёдорович Литвинов-Мосальский. Соединившись с осаждёнными, рязанцы вступили в бой с литовцами, но потерпели неудачу и отошли. Спасли Коломну успехи князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйского, очистившего к этому времени весь север России вплоть до Александровой слободы. В это время Тушинский лагерь охватила паника, и Млоцкий отступил из-под Коломны.

Внезапная смерть Михаила Скопина-Шуйского в апреле 1610 года вновь изменила соотношение сил в пользу Тушинского вора. От царя Василия, которого обвиняли в устранении племянника, пользовавшегося большой популярностью, отворачивались даже верные слуги. «Шатость» проникла и в Коломну, бывшую ранее надёжной опорой Шуйского. Тщетно архиепископ Иосиф и воеводы князя Михаил Самсонович Туренин и Фёдор Тимофеевич Долгоруков уговаривали горожан: те за-

ставили воевод присягнуть «вору» и отправили посланцев в соседние города — Каширу и Зарайск — приводить их под власть самозванца. Но если в Кашире мятежники взяли верх и под угрозой расправы заставили воеводу присягнуть, то в Зарайске они натолкнулись на более решительное сопротивление. Возглавлял зарайский гарнизон князь Дмитрий Пожарский. Он заперся в кремле и выдержал все приступы «мужиков». В конце концов, осаждавшие примирились с воеводой и отказались от присяги Лжедмитрию II. Более того, Пожарский организовал поход на Коломну и вернул город под власть Василия Шуйского.

Но подвиги Пожарского уже не могли спасти царя Василия: в июле 1610 года его низложили с престола и вскоре насильно постригли в монахи. Власть в Москве перешла к боярскому совету — Семибоярщине, а Лжедмитрий II, обосновавшийся в это время в Калуге, ободрился и начал новое наступление на Москву. В страхе перед самозванцем бояре призывали на московский фон польского королевича Владислава и открыли ворота Московского кремля перед войском гетмана Станислава Жолкевского. Так началась польско-литовская оккупация Москвы. Тем временем, в декабре 1610 года, в Калуге погиб Лжедмитрий II. Отныне самозванец не угрожал Москве, и можно было начать борьбу за выбор нового государя из «природных» российских родов. В начале 1611 года стало собираться освободительное движение, известное как Первое ополчение.

Во главе ополчения встали бывшие воеводы Лжедмитрия II — боярин князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой и атаман Иван Матвеевич Заруцкий. Третьим лидером стал думный дворянин Прокопий Петрович Ляпунов, пользовавшийся огромным авторитетом в Рязани. Под знамёна Первого ополчения собирались воеводы из различных городов, в том числе и князь Дмитрий Пожарский из Зарайска. Вероятно, в его отряде была и коломенская рать. А пока коломенцы собирались под Москву и вели её осаду с марта 1611 года, с их городом произошла любопытная метаморфоза.

Пискарёвский летописец сообщает, что руководители Первого ополчения Трубецкой, Заруцкий и Ляпунов «по казачьему воровскому умышлению» отдали Коломну в качестве своеобразного удела Марине Мнишек. Там она появилась с новорождённым сыном Иваном, которого одни именовали «ворёнком», а другие — «царевичем». В Коломне у Марины был свой двор: бояре и боярыни (в числе которых и мать Дмитрия Трубецкого), стольники, чашники, ключники, дворяне и дети боярские. С этого времени имя Марины Мнишек, жившей, скорее всего, в царском дворце в Коломенском кремле, тесно связалось с одной из его башен.

Главным покровителем Марины был казачий атаман Иван Заруцкий, о котором пискарёвский летописец сообщает, что тот собирался даже жениться на вдове двух самозванцев. Поддерживали его и казаки. Служившие верой и правдой обоим Лжедмитриям, они являлись сторонниками малолетнего «ворёнка». Личные симпатии атамана и политические симпатии казаков определили дальнейшую судьбу Марины Мнишек.

В июле 1611 года под Москвой был убит казаками Прокопий Ляпунов — глава дворянской части ополчения. Первое ополчение распалось. Оставшиеся под стенами столицы «таборы» Трубецкого и Заруцкого вяло сражались с поляками ещё год. За это время в Нижнем Новгороде воз-

никло новое, Второе ополчение, во главе с князем Дмитрием Пожарским и купцом Кузьмой Мининым.

В числе первых отрядов, примкнувших ко Второму ополчению, были коломенские дворяне. Они давно служили под командой Пожарского и верили в его полководческий талант и политическую честность. С Трубецким и Заруцким у Второго ополчения отношения не заладились. Заруцкий поддерживал Марину Мнишек и её сына, но это не помешало ему и Трубецкому присягнуть новому самозванцу, Лжедмитрию III, появившемуся в Пскове. Пожарский и Минин, выступавшие против любых самозванцев, не могли доверять таким союзникам. Конфликт перерос в открытую фазу, и Заруцкий отправил в Ярославль, где находилось Второе ополчение, двух казаков, поручив им убить Пожарского. Но покушение сорвалось, и атаман, опасаясь за свою жизнь, в июле 1612 года со своим отрядом покинул подмосковные «таборы» и бежал в Коломну.

Набег Заруцкого стал последней страницей Смуты в Коломне. Казаки пробыли в городе недолго, но за это время успели основательно разорить его. Из Коломны Заруцкий с Мариной, «царевичем» и казачьим отрядом двинулся на Рязанскую землю. Так начался путь странствований атамана и царицы, завершившийся в июне 1614 года на Медвежьем острове, на Яике, где их настигли царские воеводы.

К этому времени политическая «смута» в государстве была преодолена: на престоле утвердился избранный царь Михаил Фёдорович. Начались восстановление страны, борьба с казачьими шайками и война с поляками и шведами. Новые беды не раз угрожали Коломне. В 1615 году в Коломенском уезде воевал и грабил «прославленный» Лисовский, а в 1618 году — казаки. Непокойно было и среди горожан: слишком глубокие корни пустила «шатость» в умы русских людей в эпоху Смуты. В 1622 году в Коломенском уезде рязанский крестьянин Приезжейка говорил, что царю Михаилу Фёдоровичу *«нельзя жениться, Тушинский де вор, который назывался царевич Дмитрий, жив»*. Спустя пять лет *«просвещал»* коломенцев украинец Демид Фёдоров, говоря: *«Царь де Дмитрий жив, объявился де он в Запорогах»*. Но постепенно события Смуты уходили в прошлое, превращаясь в легенды. Так и родилось предание о Маринке, заточённой в башне Коломенского кремля и улетевшей на свободу, обернувшись сорокой.